

The background of the top half of the cover features three soldiers in military uniforms emerging from the water. The soldier on the left is looking forward, the middle one is aiming a submachine gun, and the one on the right is also aiming a submachine gun. The water is splashing around them.

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ИДЕАЛЬНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

Морской спецназ

Сергей Зверев

Идеальное погружение

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Идеальное погружение / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2013 — (Морской спецназ)

Население нескольких европейских государств в панике – в продуктах на полках крупнейших сетевых магазинов обнаружен крайне агрессивный, смертельно опасный вирус. Видный российский ученый профессор Иванцов в лаборатории на Филиппинах оперативно изобретает вакцину против этого вируса. Но передать ее в руки российских властей не успевает – подводная лодка, в которой Иванцова эвакуируют с островов, бесследно исчезает. На поиски пропавшей субмарины отправляется отряд специального назначения «Фрегат» во главе с капитаном второго ранга Евгением Черенковым. Боевым пловцам приказано найти контейнер с вакциной и как можно быстрее доставить его в Россию...

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	13
Глава вторая	18
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Идеальное погружение

Часть первая

Отпуск на Филиппинах

Пролог

*Борт дизельной подлодки ВМФ РФ
«Белозерск».*

Филиппинское море; в двадцати пяти милях к западу от острова Катандуанес (Филиппины).

Около трех недель назад до описываемых событий

На ярко освещенном Центральном посту – средоточии органов управления всех жизненно важных систем подлодки – располагалась вахта. Командир корабля восседал в кресле, за глаза именуемом «троном». В «конторке» за пультом громкой междоудечной связи сидел вахтенный офицер. На «сейфе живучести» торчал вахтенный механик. На «разножке» перед «иконостасом» круглых шкал глубиномеров, дифференномеров, аксиомеров крутился боцман. Штурман, как всегда, находился в своей выгородке над подсвеченным выдвижной лампой прокладочным столом.

Пока в ЦП было спокойно: мерно жужжал репитер гирокомпаса, изредка проходили доклады из отсеков, лодка шла малым ходом на приличной глубине...

– Штурман, сколько под нами? – спросил командир.

– Две тысячи сто шестьдесят метров. Подходим к подъему шельфовой плиты.

Развернувшись, командир заглянул в карту.

– Вот наше место, – подсказал штурман, обведя карандашом точку на проложенном маршруте. – До ближайшего мыса острова Катандуанес двадцать четыре мили.

– Понял... А до точки ожидания?

– Около тридцати двух миль. На пяти узлах малошумного хода – шесть часов двадцать минут.

– Что у акустиков?

Вахтенный офицер связался с постом акустиков и доложил:

– Посторонних шумов не слышно. Похоже, оторвались...

Дизельная подводная лодка «Белозерск» была выбрана для ответственного задания по двум причинам. Во-первых, она оказалась ближе других подводных кораблей к месту предстоящей операции – острову Катандуанес. Во-вторых, по счастливому стечению обстоятельств, подлодки проекта 877/636 «Палтус» являлись наименее шумными в российском подводном флоте, что как нельзя лучше соответствовало требованиям повышенной секретности срочного задания.

Командир посмотрел на часы. До встречи с резидентом оставалось около двенадцати часов. Все шло по плану...

* * *

Филиппины; островная провинция Катандуанес; город Вирак. Российское отделение Миссии

Международного комитета Красного Креста

Русская часть миссии Красного Креста была самой скромной из многочисленного отряда врачей, обосновавшихся на филиппинском острове Катандуанес. Британская, немецкая и американская миссии размещались в полноценных благоустроенных домах, похожих на длинные бараки. Русская, французская, итальянская и чешская миссии ютились в небольших сборно-щитовых бунгало под соломенными крышами.

В одном из таких домишек проживали профессор Иванцов и его ассистент – научный сотрудник Евгения Федорова. Каждый из них занимал по комнате; третье помещение – самое просторное – использовалось для приема больных, в качестве лаборатории для научных исследований и как склад медикаментов и расходных материалов. По иронии судьбы, ближайшими соседями двух русских врачей стали британцы, чья представительная делегация состояла из полутора десятков специалистов.

Сегодня у русских врачей выдался сложный день. Не отрываясь от окуляра микроскопа, Евгения спросила:

– А другие версии отравления продуктов смертоносным штаммом *E.coli* у вас есть?

– Целых две, – неохотно отозвался профессор Иванцов, копаясь в сумке с рыболовными снастями.

– Можно о них услышать?

– Пожалуйста. Первая: штамм каким-то чудом вырвался из неизвестной лаборатории и оказался в продуктах питания непреднамеренно. Вторая: этот страшнейший окробиотик-супербаг, обладающий иммунитетом к восьми классам антибиотиков, возник сам по себе. Самостоятельно. Из ничего. Взял и возник.

– Вы верите в это?

– Экзотика, – усмехнулся Иванцов. – Я предпочитаю реальность, а не фантазии. Штамм *E. coli* создан искусственно, а потом им преднамеренно заразили продукты. Это очевидно...

Два дня назад местный островитянин Висенте вернулся из джунглей и принес холщовый мешочек, наполненный личинками недавно обнаруженного на Филиппинах нового вида насекомых – палочника *Conlephas enigma*. Он долго выбирал подходящий момент, чтобы тайно передать драгоценный трофей. Англичане не спускали глаз с бунгало русских, но тому все же удалось незаметно вручить доктору Иванцову мешочек.

Все личинки были так называемого «первого возраста» и достигали в длину одного сантиметра. Именно таких личинок русские врачи и заказывали Висенте. Выполнив трудную миссию, он получил хорошее вознаграждение и поклялся молчать. Иванцов поверил клятве, ибо в противном случае нищий филиппинец лишился бы хорошего приработка. Да и не стал бы этот молчаливый сорокалетний мужчина вести двойную игру. Не было в нем подлости и желания обмануть.

– Не понимаю, – подняла девушка голову. – Зачем создавать бактериальный штамм, устойчивый более чем к десятку антибиотиков и включающий две смертельные генные мутации плюс способность к выработке фермента ESBL, а потом заражать им продукты в крупнейших сетевых магазинах Европы? Зачем?!

– Удивляюсь вам, Евгения, – профессор застегнул сумку и, глянув на часы, принялся обуваться. – Это же классический пример формулы «проблема – реакция – решение».

– Не слышала о такой. Можно подробнее?

– Пожалуйста. Сначала создается ПРОБЛЕМА в виде смертельного штамма в продуктах, потом следует РЕАКЦИЯ испуганного общества в форме протестов, петиций и демонстраций, а в ответ на это проталкивается желаемое РЕШЕНИЕ. В нашем случае решение подразумевает тотальный контроль над поставками продовольствия, объявление вне закона натуральных продуктов и замена их генно-модифицированными организмами. Не забывайте – запуганным обществом легче управлять. А заставить европейцев бояться собственной еды несложно – достаточно нескольких пресс-релизов правительства, одобренных двумя-тремя интервью какого-нибудь полусумасшедшего санитарного врача. Кстати, мы с вами одного такого знаем...

Позабыв о микроскопе, Евгения внимала каждому слову руководителя российской делегации Красного Креста. Услышав о запрещении натуральных продуктов, она вдруг вспомнила:

– А ведь Европейский союз недавно ввел запрет на лекарственные растения и пищевые добавки!

– Совершенно верно. А если еще заставить людей отказаться от свежих овощей, фруктов, натурального мяса и посадить их на диету из мертвых продуктов, то получаем ожидаемый результат: дегенеративные заболевания населения и как следствие – увеличение доходов фармацевтических гигантов.

– Испания! – вдруг воскликнула девушка.

– Тс-с, – приложил палец к губам профессор. – Я всегда говорил, что вы умница, Женя. Только не забывайте о наших соседях-британцах. Мы с вами некоторым образом стали шпионами-любителями, а в их штате как минимум треть профессиональных разведчиков.

– Да-да, вы правы, – кивнула она, перейдя на шепот. – Но вы же помните, как Испания сопротивлялась введению ГМО в свою агрокультурную систему?

– Разумеется, я читал документы Wikileaks, – улыбнулся Иванцов, – и знаю о тайных угрозах правительства США в адрес Испании за ее несговорчивость...

Девушка вновь обратилась к окуляру микроскопа, а профессор, зашнуровав второй ботинок, принялся проверять фонарь и спиннинг. Сегодня он намеревался выйти в акваторию бухты для рыбалки...

* * *

Борт дизельной подлодки ВМФ РФ «Белозерск». Филиппинское море; в шести милях к юго-востоку от города Вирак (Филиппины)

– Глубина?

– Тридцать, – доложил мичман на рулях.

– Скорость?

– Два узла.

– Штурман, сколько под нами?

– Пятьдесят пять метров. Подходим к точке ожидания.

– Снизить скорость одного узла, – навис командир над картой.

До точки, обозначенной штурманом, оставалось несколько кабельтовых.

– Машине стоп, – отдал приказ командир. – Дифферент два градуса на нос.

– Есть стоп машине, дифферент два градуса на нос...

Еле слышимый гул электродвигателя экономического хода стих. Несколько минут субмарина двигалась по инерции.

– Над точкой, – доложил штурман.

– Принять балласт. Ложимся на дно.

– Есть принять балласт...

Вскоре лодка мягко коснулась грунта.

Штурман подсказал:

– В точке. Глубина пятьдесят один метр. До встречи пять часов тридцать минут.

– Всему экипажу, кроме вахты и пловцов, – отдыхать, – приказал командир и направился в соседний отсек. Подойдя к переборочной двери, напомнил: – Помощник, пловцы должны быть в носовом отсеке за полтора часа до встречи. В полной готовности.

– Понял, командир...

* * *

Филиппины; островная провинция Катандуанес; город Вирак

Российское отделение Миссии Международного комитета Красного Креста

На улице смеркалось. Переодевшись в простенькую одежду для рыбалки, Иванцов поглядел на часы и негромко поторопил:

– Женя, в нашем распоряжении осталось полтора часа.

– Да-да, я заканчиваю, – девушка выключила центрифугу и извлекла из нее несколько пробирок. Последним этапом сложного приготовления сыворотки была ее консервация.

– Вы знаете, я вспомнила одну символичную вещь, – проговорила девушка, и ее симпатичное лицо озарилось улыбкой.

– Какую же?

– Именно здесь, на Филиппинах, доктор Абелардо Агуилар открыл антибиотик эритромицин.

– Хм, верно, – удивленно вскинул брови Иванцов. – Действительно символично. Ведь и нам с вами посчастливилось сделать неординарное научное открытие.

Женя подняла одну из пробирок и посмотрела сквозь прозрачную вакцину на яркую лампу. В глазах загорелись радостные огоньки.

– Да, мы сделали почти невозможное: в ужасных условиях и за несколько тысяч бюджетных рублей открыли вакцину против страшнейшего штамма...

Покончив с подготовкой к ночной рыбалке, профессор подошел вплотную к ассистентке, взял ее за плечи и прошептал:

– Женя, я поручил вам спрятать журнал с описанием нашей методики. Он в надежном месте?

Та с многозначительным видом кивнула.

Несколько часов назад, когда повторный эксперимент с полученной сывороткой дал положительный результат и окончательно убедил Иванцова в победе над смертоносным штаммом, он заполнил шесть страниц журнала убогим почерком. Специальный журнал казался большим и тяжелым, зато был удобен в работе. Его нижняя обложка была сделана из тонкого алюминия, позволяя производить записи даже «на коленке». Затем профессор переписал тот же текст на страницы тонкого блокнота. Тщательно упаковав журнал в многослойный целлофан, он передал его девушке, попросив спрятать подальше и понадежнее. Увы, на острове Катандуанес практически не было связи с внешним миром. На контрольно-диспетчерской вышке аэропорта имелась радиостанция для переговоров с экипажами воздушных судов, мэрия городка Вирак обходилась допотопным телефоном, а единственный телефон спутниковой связи был только в распоряжении сотрудников британской миссии Красного Креста, и воспользоваться им не было никакой возможности.

Понимая огромную ценность сделанных Иванцовым записей, Евгения засунула журнал в щель между деревянной балкой и соломенной крышей. Вряд ли кому-то придет в голову искать его в узком пространстве душного чердака.

– Знаете что... – задумчиво сказал профессор, – принесите журнал мне.

– Зачем?! Он действительно хорошо спрятан.

– Вот этого я и боюсь.

Девушка не понимала его опасений и не спешила выполнять просьбу.

– Евгения, поймите, я не могу подставлять вас под удар. Я лучше отдам его человеку, о существовании которого британцы не догадываются.

– Вы имеете в виду Висенте?

Иванцов кивнул.

Вздыхнув, она поднялась по лестнице под крышу бунгало. Через минуту вернулась и протянула туго перевязанный пакет из нескольких слоев прочного целлофана.

Профессор сунул его за пазуху и глянул на часы.

– Висенте уже на берегу. Вы закончили?

– Почти...

Подготовка к операции завершалась. Евгения поместила вакцину в транспортировочный противоударный термос и упаковала его в резиновый мешок. Туда же она поместила блокнот с дубликатом описания технологии получения вакцины. Туго перетянув горловину мешка резиновым жгутом, девушка подала его профессору.

– Отлично, – проговорил он и спрятал его в сумку. – Ну, пожелайте мне удачной рыбалки. Женя многозначительно улыбнулась:

– Желаю повстречать самую крупную рыбу.

– Спасибо. Идемте к машине...

– А фонарь? – девушка метнулась к шкафчику в кухонном боксе.

– Вот черт, чуть не забыл, – пробормотал профессор, пряча в карман фонарь с красным светофильтром. – Что бы я без вас делал, милая Евгения...

* * *

Борт дизельной подлодки ВМФ РФ «Белозерск». Филиппинское море; в шести милях к юго-востоку от города Вирак (Филиппины)

В носовом отсеке заканчивалась подготовка к выходу через торпедные аппараты двух боевых пловцов: старшего лейтенанта и мичмана. Руководил подготовкой капитан-лейтенант – старший группы пловцов-диверсантов. Командир корабля молча сидел в сторонке и, наблюдая за проверкой снаряжения, вспоминал последние сутки боевого похода...

Район патрулирования «Белозерска» западной части Тихого океана, называвшейся Филиппинским морем, был определен штабом флота за несколько дней до выхода субмарины в боевой поход. Патрулирование не преподнесло сюрпризов; отмотав тридцать пять суток дежурства, экипаж подумывал о возвращении на базу, когда во время очередного сеанса связи на борт поступило срочное распоряжение подойти к точке вблизи города Вирак и забрать на борт доктора Иванцова – представителя русского отделения Миссии Международного комитета Красного Креста. К распоряжению прилагались координаты точки и время контакта. Пришлось вносить коррективы в размеренную работу экипажа, рассчитывать новый маршрут, экономить рацион питания... И вот «Белозерск» лежит на грунте на глубине пятидесяти одного метра. До контакта остается ровно восемьдесят минут.

– Товарищ командир, группа пловцов к выходу готова, – доложил капитан-лейтенант.

Капитан второго ранга поднялся, осмотрел снаряжение.

– Аккумуляторы проверили? – кивнул он на два автономных подводных буксировщика.

– Так точно. Полный заряд – на три часа работы.

– Третий ребризер в порядке?

– В полном.

– Инструкцию по опознанию резидента запомнили?

Старший лейтенант кивнул:

– Так точно. Резидент будет рыбачить в легкой лодке приблизительно в километре от берега.

– Если рыбацких лодок будет несколько?

– Лодку резидента мы опознаем по закрепленному на баке фонарю с красным светофильтром.

– Все правильно. Теперь последнее. В радиограмме сказано, что резидент может выразить нежелание покидать Филиппины. В этом случае вы обязаны сказать ему следующее...

* * *

Филиппины; островная провинция Катандуанес.

Морское побережье близ города Вирак

Покинув бунгало, русские врачи быстро уселись в машину. Иванцов запустил двигатель, нажал на газ и погнал автомобиль по проселочной дороге...

В последние недели несколько сотрудников британской миссии следили за каждым их шагом, буквально не давая проходу. Не ожидая подобной выходки, британцы запоздали, что дало Иванцову возможность оторваться почти на километр. На крутом повороте машина затормозила. Схватив сумку и спиннинг, Иванцов выскочил, а Женя быстро пересела за руль и рванула дальше. Автомобиль британцев проскочил мимо спрятавшегося за кусты профессора. Выждав для верности минуту, он поднялся и побежал к берегу моря, до которого оставалось не более пятисот метров. Там уже поджидал на легкой лодке местный островитянин Висенте...

Все началось с того злополучного дня, когда Иванцов с Евгенией впервые получили положительный результат в эксперименте с вакциной, в основе которой была сыворотка из личинок палочника *Conlephas enigma*. Результат настолько поразил Иванцова, что он, не дожидаясь повторного эксперимента, помчался на катере на соседний остров и отправил по электронной почте в головной институт краткий отчет об эксперименте. Эйфория была так велика, что выстроить логическую цепочку и представить последствия он не сумел.

Уже позже Иванцов сокрушался:

– Какого черта я не догадался сразу отправить полное описание технологии получения вакцины?! Ведь мне это ровным счетом ничего не стоило.

Вероятно, кто-то прознал об исследованиях или перехватил отправленное электронной почтой сообщение, и после возвращения Иванцова на Катандуанес начались неприятности.

Британская миссия тут же пополнилась мутными личностями, даже не скрывавшими слежки за своими соседями. Катер, на котором Иванцов мотался на соседний остров, неожиданно затонул. В бунгало русской миссии периодически кто-то наведывался и рылся в вещах и документах. На стареньком автомобиле, закрепленном за русской миссией, кто-то часто прокалывал шины. Рыбаки все как один отказывались вывезти русских врачей с острова даже за хорошее вознаграждение, а те островитяне, что помогали искать в джунглях личинок редчайших насекомых, куда-то исчезли. Либо их поубивали, либо запугали так, что они были вынуждены покинуть родной остров.

Оставаясь под пристальным наблюдением, без связи с внешним миром и без возможности продолжить исследования, Иванцов понял всю важность своего открытия и величину той опасности, которой подверг себя и молодую ассистентку. От неминуемой смерти их спасала неуверенность сотрудников британской разведки в положительном исходе экспериментов. А вырваться из информационной блокады помог его величество Случай.

В русскую миссию доставили тяжелобольного островитянина по имени Висенте. Иванцов провозился с ним несколько дней и ночей и поднял на ноги, чем заслужил величайшее доверие и благодарность родственников и самого Висенте.

Доктор воспользовался расположением островитянина и попросил тайно доставить на соседний остров письмо. Обычное письмо в самом обычном бумажном конверте, адресованное послу Российской Федерации в Маниле. Необычным было лишь его содержание, в котором он указал координаты места и время передачи готовой вакцины с подробным описанием технологии ее получения.

Однако в Москве, поняв степень нависшей над Иванцовым опасности, решили перестраховаться и вместе с вакциной эвакуировать самого профессора.

* * *

Акватория бухты близ города Вирак (Филиппины).

Борт дизельной подлодки ВМФ РФ «Белозерск»

С помощью автономных буксировщиков боевые пловцы быстро преодолели дистанцию до нужной точки. С поиском лодки тоже проблем не возникло: светящуюся красную точку они заметили на горизонте сразу, стоило только высунуть головы из-под воды.

Увидев пловцов, Иванцов радостно замахал руками:

– Сюда! Я здесь!

– Назовите вашу фамилию, – потребовал старший группы, подплыв ближе.

– Иванцов. Профессор Иванцов.

– Здравствуйте. Нам приказано забрать вас с собой.

– Меня?! – изумился ученый. – Нет-нет, вы что-то путаете! Я должен передать в Москву посылку!

– Нет, профессор, руководство головного института решило эвакуировать вас. Это приказ самого Позднякова.

– Позднякова? – с сомнением переспросил тот. – Но позвольте... тут же останется моя ассистентка. Я не могу ее бросить.

– О ней побеспокоятся сотрудники российского посольства. Пожалуйста, профессор, поторопитесь – у нас мало времени.

– Да-да, держите, – выудил он из сумки резиновый мешок. – Здесь термос с готовой вакциной и подробное описание ее получения. Только прошу вас быть аккуратнее – не замочите страницы водой.

– Не беспокойтесь, – проговорил один из пловцов, проверяя надежность упаковки. – Помоему, мешок герметичен.

Другой подал ребризер:

– Наденьте так, чтобы аппарат был на груди.

Иванцов накинул лямки дыхательного аппарата, застегнул их и робко признался:

– Сожалею, но я не умею им пользоваться.

– Мы поможем. Главное, не паниковать, дышать ровно, держаться возле нас и четко выполнять подаваемые команды. Вы готовы?

– Почти, – Иванцов перелез через единственную лавку в центре утлого суденышка и крепко пожал руку Висенте. – Прощайте, дружище. Спасибо за помощь. Возвращайтесь на берег – рыбалка сегодня не задалась...

Обратный путь к субмарине занял немного больше времени. Во-первых, аккумуляторы буксировщиков потеряли половину емкости, во-вторых, на один из аппаратов пришлась двойная нагрузка.

Тем не менее троица благополучно достигла лежащего на дне «Белозерска». Старший лейтенант вытащил нож и четырежды ударил по крышке торпедного аппарата. Через несколько

секунд она бесшумно отъехала в сторону. Первым в трубу залез мичман, за ним старлей затолкал Иванцова и два буксировщика. Сам исчез в чреве последним.

Три удара по внутренней стенке аппарата. Крышка закрылась, через сработавший клапан начал поступать воздух, выталкивая наружу воду. Давление выровнялось, открывалась внутренняя крышка. Команда носового отсека помогла уставшим пловцам выбраться из узкой трубы. Сняв маску, старший лейтенант подал командиру экипажа резиновый мешок и доложил об успешном выполнении операции.

– Молодцы. Можете отдыхать, – похвалил он и, шагнув к Иванцову, помог ему освободиться от дыхательного аппарата: – Профессор, рад приветствовать на борту «Белозерска» вашу персону. Сейчас я провожу вас в каюту.

– Спасибо, – пролепетал в ответ ученый, находившийся под впечатлением подводного путешествия.

Проходя с ученым через центральный пост, командир привычно отдал несколько команд:

– Отдать балласт. Уходим. Штурману рассчитать курс на базу...

Через полторы минуты «Белозерск» плавно оторвался от заиленного дна и, медленно увеличивая скорость, стал поворачивать в сторону открытого моря.

А спустя двадцать минут из акустического поста поступил тревожный сигнал.

– Командир, акустики снова слышат в кормовом секторе посторонние шумы, – продублировал доклад вахтенный офицер.

– Лево руль. Курс – один-три-ноль, – отдавал приказы командир. – Скорость два узла. Экипажу соблюдать полную тишину. Акустикам классифицировать шумы...

* * *

В НАТО за высокую скрытность подлодки типа «Палтус» получили уважительное прозвище «черная дыра». И все же натовские специалисты тоже не сидели сложа руки. Распознав в восьмидесятых годах исходящую угрозу от новейших российских неатомных субмарин, они ускорили разработку гидроакустической станции нового поколения и оснастили ею несколько десятков американских и британских субмарин. Теперь «спрятаться» под горизонтом скачка скорости звука или в зоне «тени» наши «Палтусы» не могли. Эффективная цифровая обработка сигнала позволяла противнику максимально отстроиться от реверберации и обнаруживать крадущиеся подлодки на дистанции до двадцати миль. Дальность обнаружения новых гидроакустических станций стала соизмерима с дальностью хода современных торпед.

Пытаясь маневрировать на мелководье шельфовой плиты, «Белозерск» уходил от преследования около пятидесяти минут. Не получалось. Из акустического поста через каждые четыре-пять минут приходили доклады об устойчивом контакте. Подлодка вероятного противника прочно сидела на хвосте и подбиралась на дистанцию уверенного поражения цели торпедой.

Подводники молча поглядывали на капитана второго ранга. В реальную атаку невидимого врага никто не верил – ни он, ни его экипаж. Ведь тактику слежения друг за другом потенциальные противники отрабатывали и практиковали десятилетиями. Все обходилось, за исключением нескольких случайных трагедий, когда субмарины, маневрируя, допускали столкновения.

Никто не верил в реальную атаку. И все-таки она произошла. Из поста акустиков поступил очередной доклад. Побледнев, вахтенный офицер продублировал:

– Акустики классифицировали пуск двух торпед.

– Дистанция пуска?

– Две мили.

– Лево руль! Курс – ноль-пять-ноль. Полный вперед!..

Глава первая

Филиппины; Манила

За несколько дней до описываемых событий

Эта история началась с того, что на одной из улиц Манилы напротив небольшого продуктового рынка я вступился за девчонку по имени Джиан. Джи – так я буду называть ее, когда мы станем друзьями, а в тот день мне пришлось изрядно помахать кулаками в драке с кучкой малолетних подонков, задиравшихся к ней напротив небольшого базара.

Но это будет позже. А дней за десять до этого я с боем выбил у шефа отпуск после очередной головоломной и тяжелейшей операции. Заполучив долгожданные документы и причитавшиеся отпускные деньги, я решил махнуть на Филиппины.

«Почему Филиппины? – спросит кто-нибудь из тех, кто объездил большинство курортов мира. – Разве мало других местечек – более комфортабельных, красивых и привычных для европейца?..»

Да, таких мест много. Но, во-первых, я успел обжить как минимум половину из них. Во-вторых, захотелось чего-нибудь особенного. Остренького. Экзотического. Наконец, в-третьих, на Филиппинах я ни разу не бывал, а неизвестность всегда притягивает.

Знал я об этой стране откровенно мало. Где-то прочитал, что в 1934 году в Филиппинском море нашли самую большую жемчужину весом шесть с половиной килограммов. Позже услышал рассказ о двух официальных государственных флагах. Будто в мирное время мотается на древке обычный флаг, а в военное его тупо переворачивают вверх ногами. Еще со школы знал, что в Маниле есть памятник Александру Сергеевичу Пушкину. И, наконец, в училищные годы один уважаемый курсантами преподаватель рассказал о прославленном мореплавателе Магеллане. Рассказ был красочным и познавательным, но более всего запомнился печальный финал. А именно смерть в неравном бою на побережье острова Мактан Лапу-Лапу.

А еще Филиппины в моем сознании ассоциировались с непролазными джунглями, бесконечными белоснежными пляжами, изумрудно-бирюзовой водой, в которой играют лучики яркого солнца; с пальмами и абсолютным спокойствием. Знаете, такой незатейливый, но безумно приятный глазу образ из рекламы известного шоколадного батончика. Этакая красивая сказка из телевизора. В общем, знаний было маловато, поэтому я и подался на юго-восток азиатского континента.

Сказка на деле закончилась прямо в самолете. Вначале я лоханулся с выбором авиакомпании. За билет из Москвы до Манилы заплатил в два с половиной раза дороже, чем если бы полетел из любой европейской страны. Затем ужаснулся бестолковости аэропорта Манилы, где в очереди к службе пограничного контроля проторчал битых два часа.

И вот после долгих мытарств я наконец в столице Филиппин – огромном мегаполисе, состоящем из нескольких городов, которые в результате расширения слились в один. Таксист долго кружил по запутанным улицам, прежде чем подвез к парадному входу названной мною гостиницы.

Я остановился в комфортабельном отеле «Linden Suites» рядом с деловым центром Pasig City. Прямо напротив окон моего номера зеленел парк с диковинным зданием в виде пирамиды с цветущим садом на каждом ярусе. До залива от гостиницы было далеко, но такси, как мне сказали в офисе турфирмы, доставит в любую точку города за полчаса. Так что по поводу отдыха на песочных пляжах у лазурного моря я не парился.

На второй день пребывания в этой стране я подметил странное отношение аборигенов к людям с белой кожей. Во-первых, всех белых здесь уважительно называли «сэр». Во-вторых, нам откровенно завидовали. Загорая на крыше отеля у небольшого открытого бассейна, я вдруг ощутил на себе неодобрительные взгляды филиппинцев, которые почему-то жались в

тень или плескались в бассейне. Расположившись на лежаке, я принимал солнечные ванны в одиночестве. Позже в СПА-салоне массажистка объяснила мою «ошибку».

– Зачем портить загаром такую прекрасную белую кожу?! – искренне попеняла она. – Белая кожа – это же красиво! Именно поэтому днем многие филиппинские женщины ходят под зонтиками и в одежде с длинными рукавами, чтобы ни один солнечный луч не оставил на теле свой темный след...

Таковыми были мои первые впечатления об этой стране.

* * *

Молодые подчиненные называют меня по имени и отчеству: Евгением Арнольдовичем. Или обращаются по уставу: «Товарищ капитан второго ранга». Друзья зовут просто Евгением или Женей. Шеф обращается так же, а будучи не в духе, вспоминает о фамилии «Черенков». Скоро исполнится десять лет, как я командую особым отрядом боевых пловцов «Фрегат-22». Мне тридцать семь, я чистокровный славянин ростом под два метра и весом чуть более центнера.

Мои коллеги по отряду – люди особого склада. Мы обладаем редкими навыками, невероятной закалкой, прошли сложную и длительную подготовку. Во времена исторического материализма таких, как мы, было около трехсот человек на всю огромную страну. Сейчас осталось не более сотни, что невероятно мало по сравнению с элитой сухопутных спецподразделений. Методика нашей подготовки являет собой тайну за семью печатями. Когда-то давным-давно – после трагической гибели крейсера «Новороссийск» – советским боевым пловцам приходилось учиться у итальянцев, немцев и англичан. Сегодня эти господа не прочь позаимствовать кое-что из наших технологий создания идеального подводного убийцы.

Моя карьера стартовала так давно, что я с трудом припоминаю, с чего и как начал. Мама была профессиональным музыкантом и служила пианисткой в штате Саратовской филармонии, получая гроши. Однако мы никогда не бедствовали: она давала мне двадцать копеек в день, и я умудрялся прилично питаться в школьном буфете.

В первые двадцать пять лет жизни мне отчаянно везло: я рос здоровым, получил бесплатное среднее, а затем и высшее образование; верил в могущество Родины, в справедливость и никого не боялся: ни бандитов, ни педофилов, ни врачей, ни милиционеров. В далеком детстве мама водила меня в общедоступный бассейн, находившийся в трех кварталах от дома, и отдавала тренеру – седовласому здоровяку Вениамину Васильевичу. С ним тоже сказочно повезло: во-первых, он был заслуженным мастером спорта и чемпионом Европы по подводному плаванию, а во-вторых, когда я вырос, поумнел и окреп, он взял меня с собой на берег Черного моря, где к обычному снаряжению добавилась диковинная штука – акваланг. С той забываемой поездки морские глубины стали для меня мечтой и делом всей жизни.

Так незамысловато и буднично легкое увлечение, навязанное мамой «для общего развития мальчишеского организма», превратилось в серьезную спортивную карьеру: я набирал мышечную массу, навыки и опыт, показывал неплохие результаты, побеждал на чемпионатах, выигрывал кубки. И каждая спортивная победа работала на мое будущее.

* * *

Суть конфликта девчонки и стайки местного подрасстрельного быдла я понять не успел. Просто услышал со стороны многолюдного продуктового рынка возню, жалобный голос юного создания – почти ребенка и задиристые выкрики филиппинской шпаны.

Вообще-то филиппинцы по своей натуре очень дружелюбный и жизнерадостный народ – в этом я убедился в первый же день пребывания в гостеприимной стране. Общаться с ними

легко и приятно, однако на первом плане у них всегда стоит достижение собственных целей, а уж потом все остальное. Какая цель была у пяти недоростков – так и осталось для меня загадкой.

Подлость с несправедливостью я ненавидел ровно столько, сколько помнил самого себя. А потому без раздумий рванул через дорогу и раскидал пятерых ушлепков. Те бросились на меня, завязалась драка, в которой я чувствовал себя Гулливером в стране лилипутов и вынужден был махать кулаками вполсилы, дабы ненароком кого-нибудь из них не убить.

Крики, стоны, визг, звонки в полицию... Красота. К появлению полиции (а появилась она быстро) трое лежали на горячем асфальте, один ползал на четвереньках, а последний висел у меня под мышкой, дергая всеми четырьмя конечностями и выкрикивая ругательства на своем родном языке. Девчонка все это время стояла, забившись в угол подворотни; вокруг потасовки быстро собиралась толпа зевак.

Нас скрутили, усадили в машину и доставили в участок.

В полиции я пробыл не более получаса. Офицер опросил девчонку с тремя свидетелями заварушки, после чего занес в протокол мои данные, вернул документы, пожал руку и вежливо проводил до двери.

Подивившись простоте процедуры освобождения из кутузки, я не спеша отправился гулять по городу. Каково же было мое удивление, когда виновница происшествия вновь возникла на горизонте. Догнав, она тронула меня за руку и что-то пролепетала по-английски. Сам я на этом языке могу виртуозно материться и сказать десятка три заученных фраз. Зато других понимаю запросто. В общем, изъяснялись мы с ней по-испански, насколько для этой цели хватило моего французского...

Мы шли по деловому центру и жестикулировали, как глухонемые в пятом колене. Дитя еще не научилось фальшиво сушить зубы за доллар, демонстрируя всю «любовь» филиппинцев к иностранцам; лицо выражало искреннюю благодарность и любопытство. А когда я предложил перекусить в кафе, то в глазах вспыхнули искорки счастья.

«Боже, – подумал я, – какой же ты неизбалованный ребенок...»

* * *

К моменту окончания средней школы я набрал приличную коллекцию из кубков и медалей различного достоинства: дважды побеждал на чемпионатах России среди юниоров по подводному плаванию, дважды становился серебряным призером и несколько раз выходил в финалы престижных международных соревнований.

Где-то в череде спортивных мероприятий меня и заметили сотрудники засекреченных спецслужб. За три месяца до выпускного вечера я получил вежливое приглашение в Управление КГБ в виде аккуратной повесточки с известным адресом. В задушевной беседе мне предложили зачисление без вступительных экзаменов в Питерское высшее военно-морское училище.

Помню, в конце беседы я задал единственный вопрос:

– А к подводному плаванию моя будущая служба имеет отношение?

– Только к нему и имеет, – заверил серьезный дяденька в штатском костюме.

Дав согласие, я вскоре надел курсантскую форму и в течение двух лет постигал азы военной службы с практикой на кораблях и подводных лодках.

КГБ тем временем судорожно лихорадило от реформ и бесконечных переименований. Как только не называли нашу «контору» – КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК... К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую школу боевых пловцов первые лица государства наконец-то определились, и правопреемницей ФСК стала Федеральная служба безопасности.

Занятия в школе были гораздо интереснее жизни в училище, где много времени уделялось муштре, нарядам, хозяйственным работам... Два года напряженной, но крайне интересной учебы пролетели незаметно. Сдав последние экзамены, я получил диплом, лейтенантские погоны и направление в недавно созданный специальный отряд боевых пловцов «Фрегат-22». С тех пор минуло много лет. И все это время моя жизнь была неразрывно связана с «Фрегатом».

Ну и последнее из моих личных характеристик. Я был однажды женат, и этого опыта мне хватило на всю оставшуюся жизнь. Теперь в ведьмах разбираюсь лучше святой инквизиции и обхожусь необременительными связями. Яркими, запоминающимися и короткими. Как вспышки молнии.

* * *

– Сколько тебе лет? – спросил я Джиан.

– Восемнадцать, – не задумываясь, ответила она, уплетая шоколадное мороженое.

Девчонка была очень красива. Карие, слегка раскосые глаза, очерченные длинными ресницами и тонкими бровями; небольшой нос, пухлые губки. Длинные темные волосы, схваченные на затылке яркой заколкой. Юношеская худоба совершенно не портила стройной фигурки и ровных ног.

Когда рядом с нашим столиком возник услужливый официант, я хотел сделать солидный заказ, рассчитывая как следует накормить девчонку. Листая меню, показывал всевозможную экзотику: жареного поросенка под названием «Lechon», «Adobo» – тушеную свинину в остром соевом соусе; «Sinigang» – мясо и рыбу в кислом бульоне... Но Джиан наотрез отказалась от дорогих по местным меркам блюд и выбрала дешевое мороженое.

– Знаешь, девушка, – не поверил я в цифру «18», – не советую вешать мне лапшу на выступы рельефа. Тебе от силы шестнадцать.

– Не веришь? Завтра я познакомлю тебя с родителями и другими родственниками, – ответила она, облизывая ложку. – Все они подтвердят, что мне исполнилось восемнадцать.

– Ладно, можешь врать и дальше. Мне-то какая разница, – пожал я плечами. – Что собираешься делать?

– Сейчас пойду домой – завтра очень рано вставать. Ты меня проводишь?

– Провожу. А глобальные планы – по жизни?

– Хочу найти мужа-иностранца, – запросто ответила она, словно речь шла о заказе еще одной порции мороженого.

Мне было известно, что на Филиппинах подобное практикуется сплошь и рядом. Раньше я полагал, что азиатских жен заводят исключительно старики-европейцы, способные на свою пенсию содержать целый гарем из здешних баб, но пару лет назад на филиппинке женился сын моего старого знакомого. В Москве парень не мог найти подходящей девушки – москвичкам нынче подавай мужика с крутой тачкой, с шикарной квартирой и заоблачной зарплатой. Парень поехал побездельничать в Манилу и в первый же день познакомился с девицей с внешностью мисс Вселенной. Не слишком образованной, из бедной сельской семьи, едва умеющей читать. Зато смекалистой, готовящей вкуснейшие блюда и невероятной чистюлей. К тому же скромной, послушной, улыбчивой и верной, как собачка. В общем, сын моего товарища долго не раздумывал: купил ее родителям двух поросят, как того требовал обычай; взял юную особу в жены и увез в Москву. До сих пор счастливы, живут душа в душу.

Мы шли по вечернему городу в южном направлении. Джиан держала меня за руку.

– Когда мы завтра увидимся? – спросила она с надеждой.

– Скажи, а для чего ты хочешь познакомить меня с родственниками?

– Я надеюсь, что понравлюсь тебе. И когда-нибудь ты возьмешь меня в жены, – снова поразила она своей непосредственностью. При этом забежала вперед, встала передо мной и заглянула в глаза.

«Когда-нибудь» обнадежило. Хорошо хоть не завтра.

Я улыбнулся:

– Посмотрим. В моей стране не принято говорить о браке в первый день знакомства. Ты же должна уважать обычаи моего народа, верно?

– Обещаю, что буду их уважать, – уверенно ответила она.

Джиан жила в бедном квартале к югу от делового центра Pasig City. Я проводил ее почти до дома и, прощаясь, неопределенно сказал:

– Планов на завтра у меня нет. Возможно, прогуляюсь до ближайшего пляжа.

– До пляжа? – почему-то удивилась она. И пояснила: – В нашем заливе нет пляжей.

– Как нет? Почему?

– Он очень грязный. Все иностранцы, желающие отдохнуть на берегу моря, селятся там – на маленьких островах, – махнула она рукой в юго-восточном направлении.

Это стало для меня неприятным открытием.

– Если хочешь, я просто покажу тебе залив, – предложила девушка.

Мы стояли на перекрестке двух узких улочек. Солнце скрылось за горизонт, небо теряло последние краски и становилось темно-серым. Вокруг «высились» одно- и двухэтажные строения, больше похожие на сараи, чем на жилые дома. Через дорогу зажглась рекламная вывеска магазинчика. Только ее разноцветные огоньки и огромные пучки проводов над головами напоминали о двадцатом веке.

Джиан с надеждой ждала моего ответа, а я не знал, что сказать. Женитьба в мои планы не входила. Пользоваться доверчивостью наивного ребенка не позволяло воспитание. И тогда я придумал компромисс.

– У тебя есть телефон? – спросил я.

– Нет, – пожалала она худыми плечиками.

– Пойдем, – потащил я девушку за руку к магазинчику, на рекламе которого весело подмигивали светодиодами стилизованный мобильник.

Мы вошли в небольшое помещение, внутри которого почему-то пахло не начинкой электроники, а свежей рыбой. На витрине справа лежало полсотни различных мобильных телефонов, на любой вкус и цвет. И все исключительно китайского производства.

– Выбирай, – предложил я новой знакомой.

– Это очень дорогой подарок, – смущенно пролепетала она.

– Зато будет легче поддерживать связь. Не стесняйся. Выбирай...

Вновь проявив скромность, Джиан ткнула пальчиком в самую дешевую модель за тысячу песо.

– Он одноразовый, – отверг я выбор и попросил продавца показать пару современных телефонов с большими сенсорными экранами.

Спустя несколько минут мы покинули магазинчик. Счастливая девочка держала в руках коробку с покупкой стоимостью в пять тысяч местных целковых или в сто пятнадцать американских гильденов. Помимо аппарата я купил чехол, модный бампер, сим-карту местного оператора сотовой связи и кинул на счет немного денег.

На том же перекрестке я оживил ее мобильник, вставил сим-карту.

– Ну вот, теперь можешь звонить всем подряд.

Она зарделась, обвила мою шею руками и поцеловала.

– Спасибо. Мне пора. Завтра очень рано вставать.

Глава вторая

Филиппины; Манила.

Настоящее время

В столице Филиппин ужасно жарко. Днем температура как в машинном отделении «Титаника», ночью невыносимо душно. Номер в отеле охлаждается кондиционером, но уснуть все равно трудно. Особенно когда каждый шорох наводит на мысль о полицейской операции по захвату и аресту несчастного туриста из России. И вдвойне обидно, когда, провалившись в долгожданный сон, просыпаешься от противного звонка мобилы.

Телефон ожил во второй раз за неделю отпуска. И оживает в самое неподходящее время. Я не люблю поздние телефонные звонки. Есть в них что-то от тревожно завывающей сирены. Осыпающаяся штукатурка стен, окна, перечеркнутые крест-накрест белыми полосами; темное небо, по которому через мгновение потянутся трассы пуль к невидимым телам бомбардировщиков... Нет, войну я, слава богу, не переживал, но где-то глубоко в душе всегда существовал липкий страх, переданный по наследству далекими предками.

Сотовый телефон монотонно орет и требует физического контакта. Я лежу на кровати, слушаю его и гадаю, кому я понадобился в столь поздний час...

Ничего, кроме имени Джиан, на ум не приходило. «Зачем она звонит? – я поднимаю с пола мобильник. – Предупредить о том, что меня ищет полиция? Это мне и без нее известно...»

В мобильнике раздается вздох, а потом меня огорошивают глубочайшим по смыслу вопросом:

– Ты не спишь?

– Нет, конечно, – сдержанно отвечаю. Потом, не удержавшись, добавляю: – Время-то еще детское – четвертый час ночи.

– Ты знаешь, такое дело...

Звонит мой шеф. Генерал-лейтенант ФСБ Горчаков. И ничего хорошего от предстоящего разговора я не ожидаю...

– Ты где сейчас, Евгений?

Беззвучно вздохнув, отвечаю:

– В номере отеля.

– Один? – вкрадчивым голосом интересуется он.

– Один. Трезвый. И даже зубы на ночь почистил...

Вопросы настораживают. Что понадобилось Сергею Сергеевичу от меня в столь поздний час? Неужели опять отзовет из отпуска? Такой фортель случался за время нашей совместной службы. И, увы, не однажды.

– Есть серьезный разговор, – плавно переходит он к делу.

– По телефону? – удивляюсь я. Обычно Горчаков предпочитает разглагольствовать на тему «спасения мира» тет-а-тет.

– Нет, зачем же. Надо встретиться и побеседовать за рюмкой хорошего коньяка.

«Это на что же он намекает? – начинаю заводиться. – На то, что я должен прервать отдых, сесть в самолет и примчаться в Москву, чтобы выслушивать его ворчание?...»

– Товарищ генерал, – обращаюсь подчеркнуто официальным тоном. – Сколько можно дергать за оголенный нерв? Я только успел вкусить все прелести отпуска, а вы предлагаете паковать чемодан и...

– Зачем же его паковать? Просто оденься и выйди на улицу.

Пережив секундный шок, я шепотом спрашиваю:

– Так вы на Филиппинах?

– Давно. Уже седьмой час пошел, как брожу по Маниле.

– Я проживаю в отеле «Linden Suites» рядом с деловым центром Pasig City...

– Знаю. И стою напротив. Тут неподалеку есть ночной бар. Предлагаю посидеть, пообщаться...

Вот такой у меня шеф. Настоящий массовик-затейник, от которого не знаешь чего ожидать в следующую минуту.

Натянув джинсы с футболкой, сую в карманы бумажник, документы, телефон и покидаю номер. На душе беспокойно. Ради того, чтобы повидать меня и выпить пару стопок коньяка, Сергей Сергеевич не полетит на другой конец света. Не тот возраст, не то здоровье. Да и не тот уровень наших с ним отношений. Единственное, что утешает, – общество Горчакова немного приятней, чем душевный разговор с представителями местной полиции...

* * *

Мы сидим с Горчаковым в ночном баре. Кроме нас в небольшом зале, наполненном уютным светом и тихими звуками блюза, обосновалась компания молодых людей. Я заказал бокал пива, старик Горчаков – рюмку коньяка и плитку шоколада.

– Так что вас привело в далекий и заброшенный край? Хотите отдохнуть? Или приехали повидать старых друзей – бывших агентов разведки?

– Это ты, Женя, вечно молод, как Джеймс Бонд, – усмехается старик. – А в мои годы, чтобы повидать старых друзей, нужна доска для спиритических сеансов.

– Да ладно вам, Сергей Сергеевич! Вы еще тот огурец.

– Нашел огурца, – добродушно посмеивается он.

– То есть вы хотите сказать, что приехали сюда...

– Ты прав. Меня привело сюда дело. Серьезное и крайне срочное.

Он закуривает и приглушенным голосом рассказывает длинную историю о российском ученом Иванцове, открывшем средство против смертельно опасного штамма E.coli, недавно обнаруженного в продуктах некоторых сетевых европейских магазинов. Судя по мрачному виду шефа, проблема действительно имеется. К тому же от финальной части рассказа вовсе не веет гуманизмом.

– ...Ночью в небольшом медицинском поселке на острове Катандуанес случился пожар. Бунгало русской миссии сгорело дотла, – говорит Горчаков, выпуская струйки табачного дыма. – Прибывший с соседнего острова комиссар полиции обнаружил на пепелище труп, в котором была опознана молодая ассистентка доктора Иванцова.

– А что же с самим профессором?

– Его не нашли. Как и всех документов, связанных с его исследованиями...

Моему шефу около шестидесяти. Он руководит одним из департаментов ФСБ, имеет звание генерал-лейтенанта, но форму надевает крайне редко. Горчаков шупл, небольшого росточка; седые волосы обрамляют лицо с правильными чертами. От частого курения кожа рук и лица кажется тонкой и почти не имеющей цвета. Однако его внешность мало отвечает внутреннему содержанию. Он принципиален до садизма, разжалобить его нельзя, запугать нереально, подкупить невозможно. Однако при некоторых недостатках характера он остается великолепным профессионалом и достойным человеком. Иногда Сергей Сергеевич может наорать, вспылить или объявить взыскание – в девяти из десяти случаев это произойдет заслуженно, а в десятом, осознав свою ошибку, он не побрезгует извиниться и пожать руку. Мне нередко достается от него за дерзость, едкие шуточки и независимый характер, но в целом он относится ко мне с отеческой теплотой.

– Как вы назвали этот остров? – перебиваю шефа.

– Катандуанес. Небольшой остров на востоке Филиппинского архипелага. Тебе он знаком?

– Нет, на Филиппинах я впервые. Но название где-то слышал, – ворошу память в попытках припомнить, где и при каких обстоятельствах звучало данное название.

Не получается. Возможно, позже припомню.

Возвращаю разговор в прежнее русло:

– Значит, у Иванцова не было шансов передать важнейшую информацию в головной институт, и в Москве решили его эвакуировать?

– Да, шансов не было, – сокрушенно качает головой генерал. – Британцы догадывались о том, что он близок к открытию, и устроили ему настоящую блокаду. Удивляюсь, почему они не решились на крайнюю меру раньше.

– Скорее всего, не успели, – высказываю предположение. – А откуда они узнали о его экспериментах?

– Иванцов начал поиски средства против нового смертоносного штамма, работая в лаборатории головного института.

– Это который в Москве?

– Точнее в ближнем Подмосковье. Уже там он обнаружил странную реакцию штамма на сложные белковые соединения. Пытаясь развить успех, перепробовал почти все доступные белковые формы. Не получалось. И тут в его распоряжении случайно оказалось насекомое родом из тропиков – сыворотка на его основе затормозила развитие штамма. Затормозила, но не обезвредила. И тогда он решил возглавить нашу миссию Красного Креста на Филиппинском архипелаге, где обитает масса редких насекомых, в том числе несколько недавно открытых видов...

* * *

А еще мы считаем Горчакова ангелом-хранителем отряда специального назначения «Фрегат». К сожалению, в опасной работе боевых пловцов иногда случаются нештатные ситуации, трагедии и прочие неприятности, просчитать которые заранее невозможно. И каждый раз Сергей Сергеевич едва ли не грудью защищает нас от карающего самодурства чиновников. Шеф часто сопровождает нас в ответственных командировках и лишь в редких случаях, когда предстоит совсем пустяковая работа, остается в Москве. В этот раз он решил прошвырнуться через всю Азию. Это подтверждает важность полученного им задания.

Допив пиво, интересуюсь:

– Так что случилось с подводниками, которым Иванцов передал образец вакцины и описание методики ее получения?

– Связь с «Белозерском» должна была состояться через два часа после эвакуации пловцами Иванцова. Увы, – вздыхает генерал, – подлодка на связь не вышла.

– А что же поисковая операция?

– В район предполагаемой аварии были направлены два наших надводных корабля, находившихся в относительной близости. Они прочесали приличную акваторию, но ничего не обнаружили: ни аварийного буя, ни масляных пятен, ни других следов катастрофы, ни подводных лодок вероятного противника.

Я пристально смотрю на шефа.

– Так что же вы хотите от меня? Чтобы я надел ребризер и занялся ее поисками?

– Не кипятись, – спокойно говорит он, доставая из кармана карту неизвестного мне клочка суши, похожую на перевернутую кобурку пистолета. – Погляди сюда. Это филиппинский остров Катандуанес...

Рассматриваю остров. Судя по масштабу, он протянулся километров на шестьдесят с севера на юг и километров на тридцать с запада на восток. На южной оконечности имеется подковообразная бухта с небольшим городком под названием «Вирак».

– Место встречи пловцов с доктором Иванцовым было назначено здесь, – палец Горчакова застывает в акватории бухты примерно в километре от берега. – «Белозерск» лежал на грунте где-то здесь, – палец перемещается дальше от берега. – А теперь обрати внимание на обширную шельфовую плиту, окружающую остров.

– Обратил. И что?

– Дело в том, что «Белозерск» заканчивал боевую службу и намеревался возвращаться на базу, когда командиру послали срочную шифрограмму с описанием миссии у берегов Катандуанеса. Поэтому, изучая порученный мне материал в Москве, я пришел к следующему выводу...

* * *

Палец Горчакова вновь вычерчивает замысловатые фигуры на небольшой карте, лежащей между пустой коньячной рюмкой и пивным бокалом.

– Смотри, что получается, – говорит он. – Выполнив задание, командир «Белозерска» наверняка приказал штурману рассчитать кратчайший маршрут к нашим берегам...

Пока возразить нечего. Автономность подлодок типа «Палтус» не превышает сорока пяти суток. Контакт с Иванцовым произошел на тридцать девятые сутки похода. Продуктов оставалось на недельный переход, а до российской базы на малошумной скорости предстояло пилить не меньше двух недель. Ну, допустим, на каких-то участках командир позволит пренебречь скрытностью и даст команду идти на пятнадцати узлах. Однако маршрут при этом все равно останется кратчайшим.

– А кратчайший маршрут у нас таков, – генеральский палец скользит вокруг восточного мыса бухты, огибает с востока остров и устремляется по прямой на север. – Понимаешь, о чем я?

– Пока нет.

– Ты на глубину смотри и на цвет карты! – распаляясь, говорит начальство.

– Начальный этап маршрута проходит по относительно мелководью – над шельфовой плитой.

– Вот! Именно это я и хотел от тебя услышать. Судя по времени, сеанс связи должен был состояться примерно в этой точке, – шеф указывает на траверз восточного мыса бухты. – Но на связь экипаж не вышел. Стало быть, трагедия произошла раньше и искать лодку нужно от того места, где она лежала на грунте, до точки несостоявшейся связи. А это всего миль десять на относительно небольшой глубине.

Изучаю «относительно небольшую глубину». Цифры скачут от сорока до сотни метров... Теперь понятно, зачем Горчаков примчался из Москвы и зачем позвонил поздней ночью.

Подзываю официанта и прошу повторить – коньяк и пиво. Дождавшись холодного напитка, делаю пару глотков и, вздохнув, сообщаю:

– Вы представляете объем работы по скрытному поиску пропавшего «Белозерска»? Почему бы нашим дипломатам не договориться о совместном поиске, почему бы не прислать сюда несколько специализированных судов и не сделать все по-человечески?

Генерал мрачнеет:

– Исключено. И вообще, Женя, не лез бы ты в те материи, в которых не смыслишь. Ты отличный подводник, один из лучших боевых пловцов в стране и отличный командир «Фрегата». Но политик из тебя, извини, никудышный.

– Да это я без вас знаю. Но дело-то серьезное, – заводжусь я. – Лодка пропала, экипаж наверняка погиб! Это же наши граждане, наша лодка!..

– Знаю. Тем не менее мы не можем поднять шумиху по поводу пропавшей лодки по ряду серьезных причин.

– Допустим, одну я знаю. «Белозерск» некоторое время находился в территориальных водах Филиппин, возможно, и затонул в двенадцатимильной зоне. Но на уровне внешнеполитических ведомств это легко объяснить: сбились с курса, находились в аварийном состоянии. В конце концов, состряпать липовую радиogramму о бедствии на борту.

– Если бы дело было только в этом.

– В чем же еще?

– Во-первых, наше влияние на Филиппинах невелико, а значит, местное правительство скорее поступит так, как выгодно Британии и Соединенным Штатам. Во-вторых, нам просто не дадут найти «Белозерск».

– Почему?

– Боюсь, британцам уже известно, что на его борту находился исчезнувший с острова Иванцов и подробное описание технологии получения вакцины.

Возразить нечем.

– Какова вероятность противодействия?

– Его не будет. Вот здесь – в тридцати милях к востоку от острова Катандуанес, – показывает генерал точку на карте, – дежурит наш большой противолодочный корабль «Адмирал Пантелеев».

Еще разок изучив карту с обозначенным Горчаковым районом поиска, сокрушенно качая головой:

– Даже при отсутствии противодействия со стороны вероятного противника всему нашему «Фрегату» здесь работы на полмесяца.

– Весь «Фрегат» привезти не смогу, а трех надежных ребят подкину, – таинственно улыбается старик. – А кроме того, обеспечу шикарную океанскую яхтой и парой красивых девушек.

– Девушек?! – лезут на лоб мои брови.

– Ну, да. Какой же отдых у здоровых веселых парней без девушек? Вид вашей отдыхающей компании не должен ни у кого вызывать подозрений.

Вот такой у меня развеселый шеф.

– И последнее... – вытягивает он из кармана бумажник. – Вот фотография профессора Иванцова. Взгляни на всякий случай. Вдруг пригодится.

Я рассматриваю цветной портрет мужчины лет сорока пяти. Худощавое лицо с правильными чертами, с открытым взглядом зеленоватых глаз, с прямым носом, тонкими губами и будто раздвоенным подбородком.

– Запомнил?

– Постараюсь при встрече узнать.

– Постарайся. И не забывай о БПК «Адмирал Пантелеев». В случае возникновения опасности немедленно идите к нему...

Глава третья

Филиппины; Манила.

Несколько дней назад

Я нарочно «позабыл» оставить Джиян номер своего мобильного телефона. Она же, очарованная нашим знакомством и сбита с толку дорогим подарком, не догадалась о нем спросить. Незачем было морочить голову девчонке, дразнить надеждой и обещать то, чего никогда не сделаю. Для удовлетворения физиологических потребностей существуют другие женщины, и если мне приспичит, я воспользуюсь их услугами.

Несколько дней были мною потрачены на ознакомление с достопримечательностями столицы Филиппин. Я осмотрел Intramuros – «Город внутри стен», с которого начиналась история Манилы, когда испанцы впервые прибыли на остров. Полюбовался закатом из парка Rizal, названного в честь национального героя. Побывал в знаменитом зоологическом саду, сходил в океанариум, посетил знаменитый музей Манилы с выставленными у входа останками испанского галеона «Сан-Диего». Днем, когда жара достигала пика, я остужал организм холодным пивом, вечерами за ужином в прохладном зале ресторана отваживался принимать на грудь более крепкие напитки.

На пятый день пребывания в Маниле я проспал почти до обеда. Проснувшись утром, постояв под душем и позавтракав на втором этаже отеля, я все же решил прошвырнуться до залива. Почему-то не верилось, что огромный мегаполис не имел на довольно протяженной береговой линии обустроенных мест для купания и отдыха. Ладно бы Манила располагалась в полярных широтах, но здесь – в четырнадцати градусах от экватора – отсутствие пляжей было необъяснимым преступлением.

Подъехав к берегу на такси, я долго бродил вдоль бесконечных портовых сооружений, крохотных домишек и нагромождения причалов для маленьких рыбацких лодок. Вода в заливе действительно отличалась от рекламных фотографий: ни приятного глазу бирюзового цвета, ни потрясающей прозрачности. И даже запахи, приносимые слабым ветерком со стороны залива, не имели ничего общего с ароматами свежего морского воздуха.

Вдоволь нагулявшись по набережной, я вернулся в центр Манилы. Пора выбрать ресторанчик с прохладным залом и пообедать...

Нужное заведение отыскалось неподалеку от того рынка, где намеренно пришлось защититься от шпаны Джиян. Проходя мимо торговцев, я невольно улыбнулся, припомнив испуганное личико девушки, решительно вошел в просторный зал и занял свободный столик. Тут же появилась приветливая официантка, которая записала мои пожелания и едва ли не бегом умчалась исполнять заказ...

Я отлично подкрепился тушеной курицей под острым соусом из уксуса и чеснока, запил обед литром неплохого местного пива «Сан-Мигель» и жестом подозвал все ту же официантку.

Как-то странно улыбнувшись, она положила передо мной счет.

Оставив деньги вкупе с приличными чаевыми, я намеревался подняться, но девица внезапно зашептала по-английски:

– Вас просят подождать на улице.

– Кто? – удивленно вскинул я брови.

Но она уже удалялась, игриво виляя аппетитной попойкой.

Снова окунувшись в духоту улицы, я прошелся вдоль витринных окон ресторана, вернулся к двери... И вдруг увидел выскочившую из подворотни Джиян.

Девчонка бросилась мне на шею и едва не расплакалась.

– Почему ты не оставил свой номер?! – пропищала она, трясая меня за футболку. – Я думала, что ты забил его в память телефона! А там пусто! Там нет твоего номера!..

– Успокойся, Жи, – я обнял ее худые плечи. И соврал: – Я просто забыл его оставить. Кстати, почему ты здесь?

– Я работаю в этом ресторане. Уборщицей, – пролепетала она. – Подметала пол у раздачи и случайно заметила тебя за столиком...

Она улыбалась, а по щеке скатывалась слезинка. Мое сердце защемило: давненько женщины не плакали из-за меня...

Прижав девчонку с груди, я тихо спросил:

– Когда ты освободишься?

– Через час.

– Я подожду тебя здесь...

Чмокнув меня в щеку, Джин убежала.

«Да, с бабами как с мобильными телефонами. – Посмотрев на часы, я поплелся вдоль оживленной улицы в сторону ближайшего сквера. – Первую выбираешь подороже, покруче и понавороченнее. Но с каждым вновь утерянным берешь что-нибудь попроще, поскромнее, подешевле. И понадежнее...»

* * *

Я был женат всего однажды. Вернее, мне казалось, что это был брак. На самом деле мы жили без оформления отношений и тем не менее находились под одной крышей, делили все поровну и, кажется, любили друг друга. Ну, по крайней мере, первые несколько месяцев совместного существования.

Да, первое время мне нравилось «быть женатым». Салатики, «милый-дорогой-единственный», аккуратно разложенные по полочкам выстиранные и выглаженные шмотки, отсутствие в квартире мусора и пыли...

А потом мою «супругу» будто подменили. Я относился к ней как настоящий мачо: купил тачку (правда, из средней ценовой категории); одел, обул, украсил золотыми цацками; свозил на Средиземное море. А у нее вдруг наступил капитальный расслабон.

Она бродила по магазинам и накупала горы всякой ерунды. Часами болтала с подругами по телефону или просиживала с ними в кафе. Просматривала все подряд сериалы. И ничего не делала по дому.

В какой-то момент я вдруг заметил, что дней десять подряд ем на ужин пельмени «Столичные», а вечерами в постели только и слышу отмазки о том, как она устала. Та же фигня началась по утрам. Вместо салатиков я перешел на чай и бутерброд под названием «сделай сам». Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стал какой-то предпраздничный день. Я приехал дико уставший и голодный с подмосковной базы «Фрегата», где занимался подготовкой молодого пополнения. Дома жуткий бардак, полные пепельницы окурков, горы немытой посуды, пыль по углам, в холодильнике шаром покати, а мадам шарится по клубам с подругами по шейпингу.

Лег спать. Утром дал последний шанс, спросив про завтрак. И услышал порядком поднадоевший дежурный ответ:

– Дорогой, мне хочется поспать. Сделай сам, потом меня разбудишь. И завари кофе, как я люблю...

Постоял на кухне, подумал. И принял решение: вернулся в спальню, вытащил гражданскую женушку за ногу из-под одеяла и дал полчаса на сборы. Она пробовала возмущаться. Не действовало. Попыталась давить на жалость: плакала, просила прощения; клялась, что будет примерной женой... Не поддался. А потом молча наблюдал за сборами и удивлялся, сколько же за короткое время совместной жизни она умудрилась накупить всякого барахла.

На том и закончился мой единственный эксперимент по созданию крепкой ячейки общества под названием «семья». Все. С тех пор девки младше двадцати пяти идут хвойным лесом и кратковременно поселяются на моей двуспальной кровати только в виде редких исключений.

* * *

Джиан тащит меня к себе домой. Она абсолютно убеждена в том, что сегодня я обязан познакомиться с ее родственниками. Я в этом не убежден, но вынужден подчиниться. «Что-нибудь придумаю, – надеюсь я на свою смекалку. Или на чудо. – Где это написано, что, посетив дом девушки и познакомившись с папой-мамой, мужчина обязан взять ее в жены? Глупость, ей-богу...»

Ладно. В крайнем случае эта глупость обойдется мне в небольшое стадо упитанных поросят. Поэтому я спокоен. Такие отступные мне по карману.

На том рынке, где познакомился с Джиан, я покупаю сетку спелых фруктов – негоже идти в гости с пустыми руками. Там же замечаю за собой слежку: несколько юнцов, пытаюсь оставаться незамеченными, неотступно идут по пятам. Глупцы...

«Жертвы недавней потасовки? – размышляю я, делая вид, будто ничего не замечаю. – Или желающие отомстить дружки тех жертв?...»

Проходим мимо магазинчика, в котором для Джиан был приобретен новенький телефон. Следуем дальше – в глубь кварталов, сплошь состоящих из простеньких одноэтажных домиков. Время от времени осторожно посматриваю назад.

Никого. Отстали? Или показалось?..

Счастливая девчонка висит на моей руке и не закрывает рта, рассказывая о родителях, сестрах, братьях и остальных членах многочисленной семьи...

Улица упирается в мутную речушку, на берегу которой и находится ее жилище.

– Это протока, соединяющая большое озеро на южной окраине города с заливом и выходом в море, – поясняет девушка и добавляет: – У нас есть небольшая моторная лодка, и мои братья часто ловят здесь рыбу. А иногда вместе с отцом выходят и в залив...

Заходим в калитку, устроенную в глухом заборе из простенького металлического профиля. Маленький дворик. Слева сарай, из которого доносится резкий запах скота. В глубине две пальмы, растущие на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Справа крыльцо в три ступени и вход в каменную лачугу. Посреди двора играет мелкая ребятня, на растянутых веревках сушится выстиранное белье, у крыльца в тазу моет посуду худенькая женщина лет сорока.

Джиан подлетает к ней и, приобняв, что-то объясняет. Та вытирает руки, подходит, здоровается, наклоняя голову при каждом слове.

– Это моя мама, – шепчет девушка. – Ее зовут Сенс.

Постепенно во дворе собирается человек пятнадцать в возрасте от трех до ста лет, и я начинаю понимать, что представляет собой среднестатистическая филиппинская семья.

Передаю пакет с гостинцами кому-то из сестер Джиан. Отец – тощий мелковатый мужчина по имени Ампаро – зовет к столу, называя меня «сэр». Кажется, по случаю моего прихода семья решила устроить грандиозный ужин.

«Ладно, ужин – не свадьба, – успокаиваю сам себя. – А хорошо покушать любит любой русский...»

За низким длинным столом собралось все многочисленное семейство. Во главе стола сидит отец, по правую руку усадили меня как почетного гостя. Хозяйка напротив. Джиан рядом со мной, далее расположились все ее братья, сестры, племянницы и племянники.

На столе в основном фрукты, овощи, орехи; в центре стоит овальное блюдо с горкой вареного риса, политого золотистым соусом, и жареная курица. Одна человек на пятнадцать.

Сославшись на сытость, я пробую овощное ассорти и слушаю рассказ Ампаро о нелегкой жизни на каком-то отдаленном острове, с которого лет пятнадцать назад семейству удалось перебраться в Манилу. На острове они откровенно бедствовали, занимаясь рыбным промыслом и с огромным трудом скопили денег на переезд.

– Теперь у Джиан и двух ее сестер есть работа, – говорит он, обгладывая куриное крылышко. – Подрастают братья. Они тоже будут работать в мастерской неподалеку. Здешнюю жизнь не сравнить с островной...

«Мда-а. Сюда неплохо съездить в качестве туриста на недельку-две, – незаметно вздыхая, слушаю его рассказ. – А вот жить здесь постоянно не хотелось бы...»

* * *

Часиков в девять вечера покидаю гостеприимный дом. Джиан вызывается меня проводить.

Шагаем по улочке вдоль мутной медленно текущей реки. Над головами все те же бесконечные сплетения проводов; те же запахи нечистот, доносящиеся из каждого двора. Солнце прячется где-то за крышами домов, готовясь «утонуть» до завтрашнего дня в безбрежном Тихом океане...

Прежде чем повернуть за угол, машинально бросаю взгляд за спину. И снова вижу парочку молодых филиппинцев, нырнувшую за ближайший куст. Это становится интересно.

Не доходя квартала до известного магазинчика электроники с запахом свежей рыбы, вижу довольно приличную толпу молодых людей, идущих навстречу. В руках у ребят палки, арматура, ножи...

Джиан испуганно останавливается и хватается за руку.

– Беги домой, – толкаю ее в обратном направлении.

– Нет, – чуть не плача, мотает она головой.

– Беги! – повышаю голос. – Я сам с ними разберусь, а ты мне будешь только мешать.

Она бежала до самой реки, плакала и постоянно оборачивалась. Я же лихорадочно искал выход из свалившейся на мою голову проблемы...

Толпа мстительных и озлобленных подростков насчитывала человек двадцать. Для открытого столкновения на встречных курсах это было многовато. На тихой улочке никого: ни полиции, ни запоздалых прохожих. Отступать к реке бессмысленно. Во-первых, в ту сторону убежала Джиан. Во-вторых, не привык я бегать от малолетних подонков. Решение приходит неожиданно, едва мой взгляд натывается в ближайшем дворике на металлическую лестницу, ведущую на плоскую крышу магазинчика электроники.

«Это выход! – перемахиваю через забор и цепляюсь за нижнюю перекладину. – Здесь они не смогут наброситься на меня всей бандой!..» Забираясь вверх, слышу внизу крики и грохот – толпа штурмует заборчик и вваливается во двор.

Я на крыше. Теперь затаиться и подождать...

Голова лидера погони появляется над невысоким бортиком через несколько секунд. И тут же, получив хороший удар в челюсть, исчезает. Лидер с воем летит вниз и падает на своих товарищей. Я не высываюсь, ибо по-над бортиком свистят булыжники, пущенные штурмующими высоту.

Быстро прохожу по периметру здания, осматривая прилегающую округу. Длинная сторона магазинчика выходит на улочку, остальные – на соседние дворы с крохотными жилыми домами. В принципе, можно прорваться через них на соседнюю улицу, но в моей голове рождается другой план, исключаящий позорное отступление.

Пока я совершал обход своего «форта», по лестнице успели подняться двое, третий уже был на последних ступеньках лестницы. У одного в руках дрын, у другого – булыжник; третий, кажется, лезет налегке.

Решительно иду в наступление на передовой вражеский отряд. Защищаясь от удара палкой, ставлю блок. Левую руку пронзает боль, но дрын ломается пополам. Угощаю азиатского молодца «двоечкой» по корпусу и одновременно ухожу от запущенного камня. Переключаюсь на метателя булыжников. Двух ударов в голову хватает – парень закатывается под низкий бортик. Третий успел подняться по лесенке и спрыгнуть на крышу; в его руке поблескивает лезвие ножа. Спешу покончить с ним, пока не подоспело подкрепление. Уйдя от двух выпадов, перемещаюсь в сторону так, чтобы низко висящее над горизонтом солнце слепило его, а не меня. Маневр удастся: я легко выбиваю из его руки нож, обхватываю коротко стриженную голову и дважды прикладываюсь к ней коленом. Все, этот «товарищ» не боец как минимум на десять минут.

Вдруг слышу за спиной возню. Оборачиваюсь. По стене со стороны улицы на крышу забираются сразу четверо. Черт. Вот обезьяны! Оказывается, моя крепость не такая уж и неприступная. Но четверо – далеко не толпа. Это нормально. Нужно торопиться, иначе по лестнице к ним подоспеет подмога, и тогда мне придется туго.

Первого пацана я швыряю на несколько метров к центру крыши. Второго сбиваю с ног ударом локтя в грудь. Третий дико кричит и падает от травмы широкой латеральной мышцы бедра. Я его понимаю – это очень больно. Зато четвертый достает меня куском арматуры по плечу. И опять по левому... Тороплюсь обезвредить опасного психа, машущего перед моим лицом увесистой железякой. Тороплюсь, потому что по лестнице, словно тараканы, поднимаются остальные. Сколько их там – одному богу известно... Наверное, он меня разозлил своим назойливым желанием размоzzить арматурой мой череп. Разозлил, и я, улучив момент между взмахами, дал ему сдачи. Безобидно звучит. Но парнишка после моего удара улетел за пределы крыши и повис на проводах, натянутых меж двух соседних столбов.

С силой удара я, конечно, перестарался, но это была сущая ерунда – выжил бы, оклемался. Какие-то провода выше проклятого пучка оказались оголенными. Парня затрясло – погружавшуюся в сумерки округу озарило яркой вспышкой. Поджаренный бедолага вскрикнул, судорожно дернулся и рухнул с приличной высоты на асфальт. Всех его товарищей как ветром сдуло с лестницы. Почувяв запах смерти, они бросились врассыпную. Я же под завывание полицейской сирены рванул через прилегающие дворы на соседнюю улицу.

Сумерки быстро сгущались, и это отчасти помогло оставаться незамеченным. Я мчался по узким переулкам, шарахался от света фонарей и редких прохожих, сворачивал в какие-то тупички и закоулки...

Лишь через полчаса сумасшедшего марш-броска удалось выбраться на более или менее оживленную улицу. Усевшись на лавку остановки общественного транспорта, я стер с лица и рук остатки крови, привел в порядок одежду, отдышался.

И, поймав такси, назвал улицу, на которой находился отель «Linden Suites».

Глава четвертая

Филиппины; Манила.

Настоящее время

Покинув ночной бар, мы с Горчаковым неспешно прогуливаемся по парку, на который выходят окна моего гостиничного номера.

– Ну, так что? – испытывающе глядит он на меня, словно ждет ответа. На самом деле все давно решено и моего согласия не требуется. Просто старик желает соблюсти видимость демократии и полной гармонии в отношениях «начальник – подчиненный».

Поморщившись, соглашаюсь:

– Хорошо, я займусь этим делом. Все равно хотел сваливать из Манилы.

– Сваливать? – удивленно переспрашивает он. – Неужели надоело отдыхать?

Приходится рассказать об избиении «младенцев» возле рынка, о знакомстве с Джиан, о побоище на крыше магазинчика и гибели на оголенных проводах одного из нападавших.

Поигрывая зажигалкой, генерал качает головой.

– Вот объясни старому дураку, Черенков, как тебе это удастся?

– Что именно? – спрашиваю я, не понимая вопроса.

– Ты всегда находишь наилучший выход из любой жопы. Но ответь мне на элементарный вопрос: зачем ты в нее лезешь?..

Молчу. Ответ на этот «элементарный вопрос» меня интересует не меньше Горчакова.

– Ладно, через полчаса свалишь, – ухмыляясь снисходительно, говорит он. – И будешь жить нелегалом на борту яхты. А потом я придумаю, как тебя вытащить из этой страны.

– Значит, мы должны найти пропавший «Белозерск»? – уточняю задачу.

– Да, это задача номер один.

– Есть и вторая?

– И вторая, и третья. Вторая, она же главная, – проникнуть внутрь прочного корпуса и отыскать переданную доктором Иванцовым посылку. Как она выглядит – я, к сожалению, не знаю.

С едкой ухмылочкой качаю головой:

– Такая же «простенькая» задача, как и первая. А что представляет собой третья?

– В заключение вы должны будете доставить вакцину и документы лично мне, в посольство Российской Федерации или же на борт «Адмирала Пантелеева», который будет торчать в нейтральных водах восточнее острова Катандуанес до момента окончания операции. Заранее предупреждаю: британцы и все причастные к созданию штамма E.coli приложат максимум усилий, чтобы не допустить этого.

– Умеете вы, Сергей Сергеевич, озадачить. Пойди туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что...

– Посылка, которую вез с собой Иванцов, предположительно представляет собой медицинский металлический термос для длительного хранения вакцины, а документы с подробным описанием технологии ее производства могут быть в виде блокнота, журнала или нескольких листов стандартного формата. Впрочем, это уже не твоя забота.

– Как не моя! А чья же? Что, если вместо вакцины мы поднимем с борта «Белозерска» склянку с глюкозой из судовой аптечки?..

– Вот для этого я и прицепил к твоей команде двух дам, – посмеивается генерал. – Одна из них – кстати, потрясающей красоты молодая женщина – поможет опознать сосуд с вакциной и нужные документы.

Я сказал с придыханием:

– Штирлиц?

– Нет, к армии и спецслужбам она имеет такое же отношение, как чай «Гринфилд» к Великобритании. Ее зовут Марина Павлова. Она неплохо владеет английским языком, некоторое время работала в головном институте, а именно в лаборатории Иванцова и помогала в его научных изысканиях. Так что она в курсе, как все это должно выглядеть.

– А зачем вторая?

– Вторую зовут Инга. Она неплохой переводчик, владеет тремя иностранными языками и может пригодиться при выполнении этой сложной миссии.

– Кого из моих ребят вы привезли на Филиппины?

Горчаков присаживается на лавку, вытаскивает из пачки сигарету.

– Твоего заместителя – Устюжанина, Михаила Жука и Игоря Фурцева.

Ну, хоть с коллегами повезло. Все трое – опытные, многократно проверенные в деле ребята. Жук – капитан третьего ранга, капитан-лейтенант Фурцев давно уже не новичок в нашем деле. А Георгий Устюжанин – один из ветеранов «Фрегата» и не только является моим заместителем. Он мой однокашник и лучший друг.

Что ж, с такой компанией можно попытаться сделать невозможное. К тому же после знаменательной битвы на крыше магазинчика, случившейся накануне вечером, мне лучше исчезнуть из Манилы на пару недель. Ведь после того, как один из нападавших поджарился на проводах, полиция меня быстро не отпустит. Если, конечно, вычислит и арестует.

Перед тем как распрощаться, шеф снабдил меня наличными деньгами, банковской картой с приличной суммой и сказал:

– Запомни, все члены твоей команды, включая двух девушек, находятся на Филиппинах в качестве частных лиц. Вы – обычные туристы, приехавшие на три недели отдохнуть, позагорать и получить драйв от подводных прогулок в прибрежной зоне у острова Катандуанес. Все документы, включая туристическую визу, в порядке. Тем не менее постарайтесь избегать контактов с местными властями и населением. Для связи я снабдил твоих товарищей аппаратом спутниковой связи. Кстати, связь в крайних случаях, исключительно со мной и только по тому номеру, с которого я позвонил в четыре утра.

– Вы останетесь в Маниле?

– Да, я прикомандирован к российскому посольству на улице Asacia Road и, по крайней мере, на первую неделю останусь там. А теперь ступай в отель, позавтракай, собери вещи и поезжай на пассажирский причал «Manila Bay». Твои лучшие друзья и арендованный катер под названием «Миллениум» уже там...

* * *

К причалу «Manila Bay» я подъезжаю на такси около девяти утра. Солнце уже висело довольно высоко, прогревая воздух, асфальт и кирпичные строения до некомфортной температуры.

Взвалив на плечо тяжелую сумку с пожитками, прогуливаюсь вдоль пирсов в поисках катера «Миллениум». Таковой отыскался на самой оконечности третьего пирса. Это круизная моторная яхта длиной пятнадцать метров и сухим весом около двенадцати тонн. Добротное современное судно, оснащенное двумя мощными двигателями, современным радионавигационным оборудованием, хорошим запасом топлива и пресной воды.

Подойдя ближе, замечаю сидящих на кокпите товарищей.

– Привет, гвардия! – восклицаю я и кидаю через борт сумку.

Узнав меня и поймав сумку, парни подсказывают, с радостными возгласами бросаются навстречу. Следуют рукопожатия, обнимания, все радуются так, словно мы не виделись несколько лет. На самом же деле с момента последней встречи прошло не более десяти дней...

Выплеснув эмоции, мы устраиваемся на мягких диванах кокпита под уютным козырьком флайбриджа. На столике тут же появляется бутылка хорошего вискаря и дюжина банок холодного пива – парни ждали меня и успели затариться всем необходимым в ближайшем маркете.

Из салона для знакомства со мной подтягиваются две девицы. Обе – глаз не оторвать. Молоденькие, длинноногие, стройные, с распущенными волосами. Этакие не успевшие загореть русалки в крохотных купальниках.

– Инга, – представляется блондинка.

– Марина, – протягивает руку брюнетка.

Да, про «потрясающую красоту» Горчаков не преувеличил. Марина – весьма привлекательная особа.

Пожимаю хрупкую ладошку:

– Евгений. Очень рад.

– Присаживайтесь, – уступает свое место молодой Фурцев.

Девчонки располагаются на диванчике, мы пьем за знакомство и встречу, после чего я отправляю в капитанское кресло Мишу Жука и даю команду к отходу.

– Скажите, а там, куда мы поплывем, есть сотовая связь? – интересуется Марина.

– Нет, – уверенно отвечаю, припомнив об «информационной блокаде» профессора Иванцова.

– В таком случае можете подождать пару минут, – говорит она и бежит в салон за мобильником. – Мне нужно позвонить...

Набрав чей-то номер, поднимается на пирс. Ее приглушенного голоса мы не слышим, однако по тому, как девушка волнуется, расхаживая поперек причала, становится понятно, что звонок для нее важен.

– У Марины сын заболел, – шепчет Инга. – В больнице лежит...

Понятно. Это серьезный вопрос. Можно и повременить с отходом. Пока темноволосая девушка мечется по пирсу, мы потягиваем холодное пиво.

– У тебя тоже муж и дети? – прерываю образовавшуюся паузу.

– Ни того, ни другого. Сейчас детей рожать – только нищете плодить, – тоном мудрого человека отвечает Инга и бросает окурочек в пустую пивную банку. Окурочек пшикает и затухает. – Кстати, Маринка тоже не замужем. Так что не теряйся.

Произнеся последнюю фразу, она почему-то подмигивает именно мне. Странно...

Минут через пять команда в сборе. Двигатели выходят на повышенные обороты, вода за кормой вспенивается и приходит в движение; Фурцев отвязывает от «уток» швартовые концы, отталкивается от пирса.

«Миллениум» медленно идет к выходу из «Manila Bay»...

* * *

Михаил управляет катером. На приборной доске лежит та самая карта, с помощью которой Горчаков объяснял мне подробности эвакуации доктора Иванцова. Карта куплена генералом в обычном ларьке, не имеет сделанных от руки пометок и не представляет собой компромата. Все контрольные точки и маршрут следования «Белозерска» остаются в моей голове. Я назвал Михаилу координаты первой точки, и он держит нужный курс, легко управляясь со штурвалом...

К сожалению, профессия боевого пловца уникальна. Никто из моих парней не имеет чисто гражданской специальности, но запросто задерживает дыхание на четыре минуты. Каждый боевой пловец из «Фрегата» знает все, что касается снаряжения и дыхательных аппаратов – как отечественных, так и зарубежных. Они допускают кучу ошибок при написании рапортов, зато лаконично и с завидной точностью изложат устные отчеты о проделанной работе на глу-

бине. Они несведущи в двигателях современных автомобилей, но с легкостью управляют разнообразными судами и подводными лодками любых классов. Они никогда не занимались наукой, но расскажут о растительном и животном мире морей и океанов лучше ихтиолога с ученой степенью. Единственные профессионалы, с которыми моих парней корректно сравнивать по сложности выполняемых задач, это разведывательно-диверсионные группы спецназа. Их тоже готовят и натаскивают по несколько лет; им тоже приходится скрытно работать в отрыве от основных сил, и они тоже ежеминутно рискуют жизнью, находясь в тылу врага. Разница состоит лишь в том, что бойцов элитного сухопутного спецназа в разы больше, чем боевых пловцов. Нас после реорганизации и «продуманных» реформ на всю необъятную Федерацию осталось не более двухсот человек. Это тоже один из парадоксов нашей великой страны: длина сухопутных границ составляет двадцать две тысячи километров, а морских почти сорок. Однако людей, способных обезвредить непрошенных гостей со стороны морей и океанов, ничтожно мало.

Молодой и обаятельный красавчик Фурцев уже любезничает с Ингой в салоне у миникамбуза, что позади капитанского кресла; кажется, они вдвоем пытаются сварить кофе. Инга красива, однако производит впечатление простоватой девушки, стреляющей глазами во всех, у кого по факту рождения имеются яйца. Нет, типичной блондинкой ее назвать нельзя, но Марина все-таки выигрывает за счет вдумчивого взгляда, умения помолчать и какой-то таинственной печали, изредка поселяющейся на красивом лице.

Мы с Георгием и Мариной расположились на свежем воздухе – на диване кокпита. Девушка с длинными темными волосами откровенно грустит: потягивает вискарик со льдом, любит виды проплывающих мимо островов. Я в данный момент сосредоточен на деле: расспрашиваю друга по поводу взятого накануне в аренду снаряжения.

– За час до твоего появления курьеры подвезли нам заказанное снаряжение, – докладывает Жора. – Шесть ребризеров английской компании «Buddy Inspiration», шесть комплектов неопреновых гидрокостюмов, шесть пар ласт, четыре полнолицевые маски, два дайверских компьютера, двадцать запасных баллонов с гелиоксом, фонари, комплект запасных кислородных датчиков и сменных патронов химвсасывателя, четыре ножа...

Коробки со снаряжением я успел заметить под столом и на диванах нижней кают-компании. Добра там припасено прилично. Даже боюсь предположить, в какую сумму обошлась аренда всего этого барахла. Впрочем, снаряжение лишним не бывает, а потраченные на его аренду деньги – не наша проблема. Лучше прихватить в море лишнего, чем потом кусать локотки. Ну, а стоимость... Сомневаюсь, что Жора расплачивался собственными сбережениями.

– По-моему, на этой карточке, – показывает он такую же банковскую карту, какой одарил меня Горчаков, – осталось только на пиво.

Мы смеемся и наконец обращаем внимание на скучающую девушку. Жора о чем-то спрашивает ее, но она, думая о своем, подхватывает сотовый телефон и снова нажимает кнопки...

– Сигнала нет, – растерянно глядит на нас девушка.

– Поднимись на флайбридж, – советую ей. – Там на пару метров выше – может быть, получится.

Она взлетает по трапу на своеобразный яхтенный «пентхаус», где устроено второе капитанское место для управления катером и округлый диванчик со столиком для комфортного отдыха пяти-шести человек. Спустя минуту мы слышим взволнованный голос Марины, спрашивающей у кого-то о состоянии сына. Стало быть, дозвонилась. Ну и слава богу. Ведь через пару миль связь окончательно исчезнет.

* * *

Вот мы и в Филиппинском море – самом большом по площади и самом глубоководном среди всех морей Мирового океана. Его акватория занимает почти шесть тысяч квадратных километров, а Филиппинская впадина уступает по глубине лишь Марианской.

«Миллениум» взрезает форштевнем бирюзовую волну, выдерживая круизную скорость в восемнадцать узлов. От Манилы до острова Катандуанес более трехсот миль, и топать придется довольно долго. Так что время у нас есть. Можно и выпить, и наговориться, и отоспаться...

Марина очень привлекательна. Чуть выше среднего роста, стройная, с ровными ножками, гладкой кожей и длинными темными волосами. Исподтишка рассматривая ее лицо, ловлю себя на мысли, что понемногу забываю о Джииан. Наверное, потому, что в душе считаю ее ребенком, а не готовой к полноценным отношениям женщиной.

От лица Марины невозможно оторвать взгляд. Чистый высокий лоб, большие голубые глаза под длинными ресницами, идеальной формы носик, ровные белые зубки...

Подливаю в бокалы виски, кладу побольше льда – на жаре напиток быстро нагревается.

– С дыхательным аппаратом приходилось иметь дело? – интересуюсь у Марины, дабы приобщить ее к разговору.

Очнувшись от созерцания островов, она кисло улыбается:

– Только в тренировочном бассейне загородной базы вашего отряда.

– Вот как, – перевожу взгляд на Георгия.

– А что было делать? – оправдываясь, пожимает тот плечами. – На подготовку шеф выделил всего два дня. Куда я повезу девчонок?..

Да, мой товарищ прав: Истринское или Можайское водохранилище несколько не лучше бассейна нашей загородной базы.

– И каково впечатление от погружения на шестиметровую глубину бассейна?

– Я не успела ничего понять, – снова улыбается Марина. – Там было слишком мрачно и холодно.

Условия в нашем бассейне действительно мало подходят для обучения новичков дайвинга. Обычно мы с Георгием проверяем в этом «лягушатнике» навыки прибывшего во «Фрегат» пополнения, уже имеющего за плечами некоторый опыт работы под водой. А уж позже доводим умение отобранных новичков в реальных погружениях на большую глубину.

– Ничего, здесь условия получше, – хмыкаю я и делаю маленький глоток алкоголя. – Вода теплая, видимость отличная.

– И надежный инструктор в лице холостого командира «Фрегата», – посмеивается Жора.

Марина с интересом смотрит в мою сторону. А я мысленно благодарю товарища за лестную деталь характеристики. В моей охоте на симпатичную «дичь» она пригодится.

* * *

Поздний вечер. Час назад небо окончательно утратило фиолетовый оттенок и загло крупные яркие звезды. Михаила сменил за штурвалом Игорь Фурцев, затем капитаном судна на четыре часа стал Георгий. Ну, а с наступлением темноты вахту принял я.

Девушек мы определили в носовую каюту – она просторная, имеет большую двуспальную кровать и отдельный санузел. Мы с Георгием выбрали кормовую капитанскую каюту. Жук с Фурцевым разместились в двухместной гостевой, где пара нешироких спальных мест расположена в два яруса.

С нижней жилой палубы из небольшой кают-компания доносятся голоса, смех, негромкая музыка. Парни прихватили вниз очередную бутылочку вискаря, лед и фрукты...

Со стороны может показаться, что пловцы из «Фрегата» бухают как добрые дяди. На самом деле это не так. Свою норму каждый из них прекрасно знает: чрезмерно увлеченных алкоголем во «Фрегате» не было, нет и никогда не будет. Тяжелая, сопряженная с постоянным риском работа боевого пловца требует отличного здоровья, столь же отличного психофизического состояния и здравого рассудка. Совмещать все это с большими дозами спиртного просто невозможно.

Троица коллег развлекает Ингу. Марина поднялась ко мне в салон и сидит рядом, задумчиво созерцая безрадостную картину непроглядной южной ночи. В салоне тоже темно. И только цветной монитор, дисплей автопилота и дюжина вспомогательных приборов подсвечивают контуры ее красивого лица.

Мы уже вдоволь наговорились, а потому молчим, наслаждаясь относительной прохладой и спокойным морем, по которому «Миллениум» идет почти без качки – словно утюг по новой гладильной доске.

Молчим и думаем каждый о своем. Мне вспоминается Манила, от которой катер уносит нас все дальше и дальше на юго-восток. Вспоминается встревоженный голос Джиан, позвонившей вчера на рассвете, когда я ехал в такси в сторону причала.

– Женья, пожалуйста, пока не появляйся в нашем районе, – попросила она тихим печальным голосом. – Я очень хочу тебя увидеть, но...

Я сразу догадался о причинах, побудивших ее позвонить и обратиться ко мне с этой просьбой. Но на всякий случай спросил:

– Что «но»?

– Ночью к нам приходила полиция. Офицер спрашивал о тебе. Хорошо, что я вовремя удалила из журнала и списка контактов твой номер.

Я вздохнул:

– Что хотел офицер?

– Он интересовался твоим именем и спрашивал, где ты проживаешь. Я назвала другое имя, а адреса не знаю, так что обманывать не пришлось.

– Спасибо, Джи.

– Мы можем встречаться ближе к центру – там всегда много народу.

– Пока не получится, – вздохнув, признался я. – Мне придется на некоторое время покинуть столицу. Появились срочные дела.

Помолчав, она печально спросила:

– Ты вернешься?

– Обязательно.

– Пожалуйста, не уезжай насовсем.

– Не уеду. Мы еще увидимся. Даю слово...

Воспоминания о девушке внезапно наводят на одно странное открытие. «Катандуанес! – припоминаю название острова, прозвучавшее в ночном разговоре с Горчаковым. Этот же клочок суши был обозначен и на подаренной им карте в качестве конечной цели нашего путешествия. «Как же я мог забыть?! Ведь именно с этого острова лет пятнадцать назад переехала в Манилу семья Джиан. И именно о нем рассказывал за ужином ее отец Ампаро!...»

По сути, данное открытие не несло смысловой нагрузки и не представляло какой-либо ценности для организованной шефом поисковой операции. Так...обычное совпадение, которое лишний раз заставляет изумиться невероятному переплетению человеческих судеб. Когда-то на далеком острове родилась девочка по имени Джиан; позже там поселился одаренный профессор из России, пытавшийся спасти мир от смертельно опасного штамма. Несколько дней назад я познакомился с Джиан, а через несколько часов буду рядом с тем местом, где закончил свою жизнь профессор.

Вот такая удивительная цепочка событий...

Глава пятая

Филиппины; бухта близ города Вирак.

Настоящее время

Современный навигатор вывел «Миллениум» в назначенную точку под утро следующего дня. Отстояв на штурвале время своей вахты, я спал в кормовой каюте. Пробудиться ото сна заставила непривычная тишина: двигатели внезапно умолкли, послышался короткий всплеск от сброшенного якоря.

Осторожно поднявшись с постели, чтобы не разбудить Георгия, поднимаюсь наверх. Игорь Фурцев возвращается с бака.

– Прибыли, командир. Стоим на якоре, – бодро докладывает он. – За время перехода происшествий не случилось.

– Молодцом. Можешь отдыхать.

Выхожу на кокпит. Щурясь от яркого солнца, недавно поднявшегося над восточным горизонтом, осматриваю округу.

Наш катер покачивается на волнах в центре живописной бухты шириной миль шесть. По берегу центральной части бухты тянется населенный пункт – поселок или городишко. Чуть выше береговой линии и левее расположена взлетно-посадочная полоса аэропорта. На самом деле ее не видно, но я заметил только что взлетевший легкомоторный самолет. Помимо самолета замечаю в небе мириады мечущихся больших стрекоз и охотящихся за ними юрких черных ласточек.

Вернувшись в салон, включаю кофеварку и, пока готовится завтрак, склоняюсь над картой для уточнения места первого погружения. По словам Горчакова, «Белозерск» ожидал пловцов с профессором Иванцовым, затаившись на дне в шести милях к юго-востоку от городка Вирак. Приложив к карте линейку, отсчитываю расстояние, запоминая точку. Переношу взгляд на экран навигатора... Сравниваю точку на карте с фактическим местом положения «Миллениума» по навигатору. Выходит, что мы находимся западнее на пару кабельтовых. Это нормально. Для начала разбужу своих орлов, потом позавтракаем, определим план работы на день и приготовим к погружению первую пару. А в последний момент подкорректируем место стоянки.

* * *

Полученное нами задание непростое, но, по крайней мере, безопасное – в здешних водах мы вряд ли повстречаем противодействие со стороны вероятного противника, а потому можно обойтись без оружия. На серьезные операции, где возможен непосредственный контакт с боевыми пловцами чужих флотов и разведок, мы прихватываем «адээсы» – автоматы специальные двухсредные в конфигурации для проведения подводных операций. АДС – мощная и надежная штука: под водой на небольших глубинах поражает цели на дистанции до двадцати пяти метров, на суше по кучности и мощности боя ничем не уступает армейским «калашам».

Кстати, рассматривая арендованное снаряжение, я заметил пару коробок с мощными пневматическими гарпунными ружьями. «Все правильно, – подумал я тогда. – Бойцов подводного спецназа мы тут не встретим, а вот голодных акул – запросто. Так что ружьишки пригодятся...»

За полчаса готовлю завтрак и поднимаю Георгия с Михаилом. Игорьку допускается после вахты немного отдохнуть, а девчонки могут спать хоть до обеда. Услуги Марины как специалиста по штаммам и вакцинам понадобятся лишь в том случае, если мы отыщем «Белозерск».

Правда, где-то в подкорке ютится мыслишка «обкатать» ее на глубине в спокойной обстановке поиска подлодки. Как ни крути, а опыт – самый лучший учитель.

В восемь утра начинается настоящая работа. Решаю идти сам с надежным напарником Мишей Жуком, пока Игорь Фурцев – напарник Георгия – отдыхает. Опускаем с помощью гидропривода купальную платформу и приступаем к подготовке: переодеваемся в отдельные неопреновые костюмы, цепляем ребризеры, пристегиваем ножи, подгоняем ремни масок...

Георгий тем временем осматривает с помощью бинокля акваторию.

– Все спокойно, – докладывает он, занимая капитанское кресло.

Переместив катер на исходную точку, он бросает якорь и вновь появляется на платформе, чтобы проверить наше снаряжение. Особое внимание мой заместитель уделяет ребризерам: осматривает целостность дыхательных мешков, шлангов, легочного автомата, байпасных клапанов и автомата промывки дыхательной системы; контролирует давление в заправленных баллонах и наличие свежих регенеративных патронов. Мы терпеливо ждем окончания процедуры проверки снаряжения. Я не люблю красивых фраз, но от исправности и надежной работы всего вышеперечисленного зависит жизнь тех, кто идет на глубину.

Все в норме. В заключение он подает Михаилу пневматическое ружье, а мне – навигационно-поисковую панель, без которой подводный поиск рискует превратиться в бестолковое занятие.

– С богом, – хлопает он каждого по плечу.

Садимся на край платформы, надеваем ласты и уходим под воду...

* * *

Гидроакустической связи с поверхностью у нас нет. На мой вопрос, почему не запаслись станцией связи, Жора ответил словами генерала Горчакова:

– Чтобы не вызвать излишних вопросов со стороны филиппинских спецслужб, если таковые появятся на горизонте и заинтересуются группой отдыхающих русских туристов.

Мысль показалась логичной. Да и не в диковинку нам работать молчком. Под водой первым делом проверяем работу дыхательных аппаратов. Они новые, ни разу не опробованные, поэтому могут иметь скрытые дефекты.

Ребризеры работают устойчиво. Осматриваемся. Вода, как мы выражаемся, чище анализов младенца. Взвеси – планктона и неорганики – практически нет; горизонтальная видимость метров тридцать пять – сорок. Слабое восточное течение, температура воды в верхнем слое комфортная. На глубине будет чуть холоднее, но не настолько, чтобы тело быстро замерзло.

«Все в норме, – докладывает жестом напарник. – К погружению готов».

«Поехали...»

Миша Жук опытен, умен и смекалист; характер выдержанный, мягкий. Я давно работаю с ним в паре и привык к спокойной и молчаливой манере взаимодействия. Зачастую нам не требуется гидроакустическая связь – мы понимаем друг друга, используя жесты или взгляды.

Уходя все дальше от поверхности, регулярно поглядываю на дисплей дайверского компьютера, а заодно контролирую работу ребризера, а именно исправность трех электронных датчиков глубины, регулирующих подачу кислорода.

Вообще-то, мы крайне редко используем в своей работе акваланги. Разве что когда предстоит поработать на детской глубине, когда не нужно маскировать свое пребывание под водой и нет смысла расходовать дефицитные дыхательные смеси с дорогими регенеративными патронами. Основным же рабочим снаряжением является ребризер (re-breathe – повторный вдох) замкнутого цикла с электронным управлением. Это очень дорогой и самый незаметный дыхательный аппарат, в котором углекислый газ поглощается химическим составом регенератив-

ного патрона. В процессе дыхания смесь обогащается коктейлем из кислорода с дилуэнтном, содержащим нитрокс – смесь на основе гелия, и снова подается на вдох.

Ценность аппаратов подобного класса обуславливается наличием электронных датчиков и микропроцессора, дозирующего кислород в зависимости от глубины. Поэтому его обладателю необязательно тащить с собой пяток запасных баллонов с различными газами и нет нужды париться с регулировкой состава смеси. Кстати, за счет автоматической дозировки происходит эффективная и быстрая декомпрессия, иной раз не требующая выполнения «площадок». Под ребризером обычно находится двухлитровый резервный баллон, наполненный обычным сжатым воздухом. Он предназначен для аварийного всплытия с глубины пятнадцать-двадцать метров и поэтому шуточно именуется «парашютом дайвера».

* * *

Погружаемся. Двадцать метров. Двадцать пять. Тридцать...

Солнце пока еще низковато над горизонтом. В его косых преломленных лучах то тут, то там поблескивают серебристые тела рыбешек. Гляжу вниз... Нет, фонари нам в здешних водах не понадобятся: с глубины тридцати пяти метров дно уже неплохо просматривается.

Через несколько минут достигаем дна. Сверяюсь с дисплеем наручного компьютера. Глубина пятьдесят метров. В принципе, нормальная глубина для того, чтобы лодка типа «Палтус» улеглась на дно и выпустила через торпедный аппарат пловцов. Дно на выходе из бухты песчано-илистое и довольно ровное с небольшим уклоном к югу. На всякий случай включаю навигационно-поисковую панель...

Подобная штукавина незаменима в тех случаях, когда под водой приходится что-то искать. Правда, немного тяжеловата – в воде вес стандартной панели составляет около трех килограммов, зато она полностью заменяет визуальное восприятие в радиусе до ста метров. Ее сердцем является сканирующий гидролокатор кругового обзора, сигнал от которого выводится на цветной пятидюймовый дисплей. В результате командир группы боевых пловцов видит рельеф подстилающего грунта, объекты и крупные предметы, другие группы водолазов и даже косяки мелкой рыбы. Помимо самих предметов, на экране отображаются геометрические данные об их размерах, дистанции, пеленге и высоте расположения от уровня дна. В общем, чудо современной техники, имеющее, правда, один существенный недостаток – максимальная глубина использования – двести метров. Но нам такие глубины в поисковой операции, слава богу, не светят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.